

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Б. Дубин

Постсоветский человек и гражданское общество

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/DubinTetr_51.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ние. И как в XX веке менялись и искажались смыслы слов, или, если не вводить оценочные категории, как податлив оказался смысл гражданско-политического лексикона к потребностям политической жизни.

Я не занимаюсь современным языком, но если посмотреть на такие известные памятники советского прошлого, как, скажем, Словарь Ушакова 20-х годов, или Словарь Ожегова (первое издание 1946 г.), и на то, как в них определялись основные идеологические понятия, мы получим вполне адекватное представление о системе сталинизма. А затем, если теми же глазами посмотрим на сегодняшний политический узус, то есть на общепринятое употребление слов, то увидим, как далеко пока это от того, что должно было бы быть в нормальном гражданском обществе. Я имею в виду появление в языке таких, например, странных понятийных гибридов, как «суверенная демократия» и т.д. Это ведь не только политические концепты, но и определенное лингвистическое развитие. Это развитие языка. И, я думаю, если у нас будет какое-то руководство, которое вело бы читателя по путям здравого смысла и общепринятых дискурсивных практик, сложившихся в современном свободном мире, это было бы чрезвычайно полезно и важно для нашего общества.

Постсоветский человек и гражданское общество

*Борис Дубин, руководитель отдела
социально-политических исследований Левада-Центра*

Начиная разговор о гражданском обществе и гражданине невозможно, на мой взгляд, обойти такие понятия, как «собственность», «свобода», «солидарность», «состязательность», «доверие», не говоря уже о роли закона и права в обществе и о независимых институтах, которые их гарантируют и защищают. Поэтому, опираясь на данные исследований общественного мнения, которые с 1989 года проводит наш Центр, постараюсь показать, как эти понятия воспринимаются российским обществом, его большинством, чтобы получить представление о сегодняшнем его состоянии. При этом я буду использовать данные нашего ежегодника «Общественное мнение — 2009» (М., 2009).

Согласно последним нашим опросам, 30% российских граждан (от общей численности взрослого населения) считают себя бедными и 6% — самыми бедными. Кое-какие сбережения есть лишь примерно у 25% населения. Но эти сбережения не стратегические, то есть не позволяющие человеку чувствовать себя уверенно.

Порядка 80% граждан, отвечая на вопрос, способны ли они повлиять на то, что происходит в стране, говорят, что их мнение практически ничего не значит ни в управлении жизнью страны, ни в жизни города,

в котором они живут, и даже предприятия, на котором работают (до 70–75%). Единственная сфера, в которой они чувствуют возможность своего влияния и готовы взять на себя ответственность, — это семья и ближайшие родственники. Характерно и в общем понятно в этой связи, почему до 70% взрослого населения не доверяет как «другим» людям, так и большинству институтов. С максимальным недоверием россияне относятся к новым институтам, появившимся в последнее десятилетие, — суду и политическим партиям. Профсоюзы и милиция — на пике недоверия.

А если говорить о доверии, то более всего доверяют, естественно, премьер-министру и президенту, Русской православной церкви и, в меньшей степени, армии. То есть традиционным и практически не реформируемым институтам, выстроенным по иерархическому принципу.

Следующий важный показатель, поскольку говорим о гражданском обществе. До 80% опрошенных полагают, что не могут прожить без опеки государства, то есть считают себя фактически его подданными. Или, выражаясь языком Андрея Платонова, «государственными жителями», при всем их недовольстве бюрократической властью и ее институтами. До 70% из них признаются, что не защищены законом, хотя одновременно готовы при этом оправдывать нарушение закона, так как любые различия — религиозные, культурные, этнические, социальные, экономические — воспринимаются ими не в терминах разнообразия и интереса к разнообразию, а в терминах неравенства и, значит, несправедливости. И когда приходится нарушать закон, люди говорят, что по закону все равно не проживешь, его все нарушают, но те, кто нарушает «слишком» и наживается на этом (то есть хотят больше, чем все), вызывают у респондентов осуждение.

Идея о том, что все страны особые, не распространена в российском обществе, зато мифология «особого пути» именно России вновь, как известно, вернулась в наши массмедиа и обыденное словоупотребление, когда говорят о «национальной безопасности», «национальных интересах» и т.д. В чем состоит эта особенность? В том, что это мы, Россия, особая, а не они. В Германии, например, такой разговор невозможен, рассуждать немецкому политику о «Sonderweg» сегодня абсолютно невозможно. Когда мои немецкие коллеги видят слово «геополитика» в названиях издаваемых у нас книг, включая учебники, они искренне удивляются.

На протяжении двухтысячных годов, а это были чрезвычайно важные годы для общественного мнения и для общественного устройства России, постоянно росла доля тех, кто считает лучшим именно нынешний государственный строй, а позитивное отношение к советскому типу государства постепенно снижалось. В 2008 году, по нашим опросам, к нему хотела бы вернуться примерно четверть населения, демократию западного образца поддерживали порядка 15%, а 40% предпочитали нынешний строй (в 2009-м ситуация переломилась).

лась, и на первый план вышла ностальгия по советскому). При этом 60% считают, что демократия России нужна. Только, какая демократия? Опять же особая, то есть «исключительная», «самобытная», «оригинальная» и пр. То есть те, кто выбрал демократию, считают ее воплощением нынешней строй. Другие 20% считают ее демагогией и 12%, что России она не нужна. В целом позитивное восприятие респондентами слова «демократия» в полтора раза превышает негативное, а среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет — в два с половиной раза. Если суммировать понимание демократии большинством современного российского общества — это высокий уровень жизни, порядок и стабильность. Но отнюдь не разделение властей, выборность власти, ее транспарентность, независимость медиа — это все существенно менее важно. Главное, повторяю, уровень жизни и стабильность.

Далее, восприятие свободы: 70% взрослых людей в России, судя по опросам, ощущают себя свободными людьми. Примерно 55–57% считают, что свободы достаточно, и процентов 20, что ее даже слишком много. Но опять-таки, когда мы пытаемся разобраться в том, как понимается это слово, оказывается, что, по мнению опрошенных, свободы больше в тех странах, где государство заботится о людях, регулирует цены, следит, чтобы богатые не сильно отрывались от бедных, и гарантирует населению основные права. Какие права? Свыше 60% считают главными право на жизнь и неприкосновенность жилища. Право на достойную работу, зарплату и т.д. — примерно 30%. А свободу получения информации, передвижения, выражения своего мнения и т.д. считают важной порядка 10–12% респондентов.

Вот, примерно такая ситуация. И к сказанному я бы добавил, что определяющей для общества, которое сложилось в России в двухтысячные годы и так осознает себя, является установка на адаптацию, действующая по принципу «чтобы не было хуже», что подразумевает негативное отношение к тем, кто проявляет инициативу, если только это не первые лица государственной власти. Большинство населения (до 60–70%) отказывается от самостоятельной инициативы, поддерживая тем самым существующий политический порядок. Не принимают же его, по разным оценкам, по разным типам вопросов и ответов до четверти взрослого населения. И именно это меньшинство, на мой взгляд, может составить основу для поддержки альтернативных идей, альтернативных представлений об обществе, альтернативных форм существования. Надо сказать, что Россия — страна гигантской периферии, в сущности, она вся состоит из периферии, кроме Москвы, но эта периферия сейчас в некоторых отношениях, в некоторых местах живет более сознательной, социально оформленной и более инициативной жизнью, чем московское население. Оно смотрит на сложившуюся ситуацию довольно цинично, отделяя себя от проблем остальной страны, такое состояние отстраненности вообще характерно для российского населения, но для

москвичей в особенности. Кроме этого, в Москве чрезвычайно высокий уровень ксенофобии, гораздо более высокий, чем по стране в целом.

В этих условиях те, кто начинает работать над созданием Гражданской энциклопедии и считает своим долгом отстаивать и развивать идеи демократии и либерализма, должны учитывать, как сегодня складывается баланс адаптации и инициативы, государственности и стремления к самостоятельности. И второй момент. Мне кажется, очень важно при этом думать не только о новых формах объединения, но и работать с самыми разными формами, даже если они не предполагают участия в политике. Это могут быть сообщества религиозные, культурные, национальные и т.д., которые реально есть в России.

В целом, мне представляется, наша задача состоит в том, чтобы максимально расширять разнообразие — культурное, политическое, экономическое, чтобы учиться жить среди других. В конце концов, две мировые войны научили большую часть европейского населения, как жить среди других. И вторая задача, связанная с первой, — это повышение субъектности социальной жизни, которая чрезвычайно анонимна, атомизирована сегодня в России.

Мне кажется, что если есть ноу-хау либеральных, демократических обществ, то оно состоит в соединении таких проявлений собственности и свободы, как самостоятельность, состязательность и солидарность. Я думаю, что ноу-хау развитых демократий состоит как раз в соединении этих интенций, этих ориентаций, этих понятий, которые, на первый взгляд, трудно соединимы.

Елена Немировская:

— Спасибо, Борис, за участие в круглом столе и за доклад. Мы будем сразу обсуждать концепцию Энциклопедии или будут вопросы?

Гасан Гусейнов, доктор филологических наук, профессор МГУ:

— В конце перестройки я имел честь и счастье работать над сходным проектом. А точнее, словарем «Пятьдесят на пятьдесят», который был издан по-французски и по-русски. С параллельными статьями российских и французских авторов о терминах, важных для интерпретации общественно-политической жизни. То есть о том, как они воспринимались во Франции и у нас. Такое сопоставление, мне кажется, позволило бы и в нашем случае, с одной стороны, избавить Энциклопедию от гигантизма (я имею в виду количество терминов в предложенном списке), а с другой стороны — обеспечить всех участников пусть узкой, но сфокусированной концепцией, и помогло по ходу дела выяснить, а как оно там, скажем, с той же геополитикой или с особым путем? Ведь то, что мы сейчас начинаем обсуждать, в конце концов, только желание: что бы мы хотели и как было бы хорошо... То есть совершенно не научный, а морально-дидактический подход. Вопрос: может быть, имеет смысл сузить его и ограничиться сравнительным подходом?